

УДК 82-1/-9+929Белый+929Чаянов

ОБРАЗ ГОРОДА В «ПЕТЕРБУРГЕ» А. БЕЛОГО И В МОСКОВСКИХ ПОВЕСТЯХ А. В. ЧАЯНОВА

Я. А. Шулова

Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н. В. Верещагина,
кафедра философии и истории

Автор рассматривает образ города в «Петербурге» А. Белого и в московских повестях А. В. Чаянова и обнаруживает сходства в художественном изображении.

Ключевые слова: *город, Петербург, Москва, первопрестольная, inferнальный, туман, тени, карета, кукла, лёд, миф*

Лучший роман А. Белого «Петербург» оказал огромное воздействие на русскую литературу XX века, что стало заметной тенденцией развития отечественного словесного искусства прошлого столетия. В русле этой тенденции были созданы московские повести современника знаменитого символиста, А. В. Чаянова (1888–1937), сегодня, к сожалению, совершенно неизвестного широкой публике. Образ Москвы, или как он чаще называет «первопрестольной», в них изображён под влиянием А. Белого, хотя и не повторяет его. Можно говорить как о сходстве, так и о различиях в изображении города у этих писателей.

Основное различие в изображении Петербурга и Москвы связано с традицией их восприятия. Город в романе А. Белого, писал Л. К. Долгополов, «широкий и грандиозный символ» [3, с. 315], «город-знак, характерный и важный для писателя не своим конкретно-историческим внешним видом, улицами, площадями, проспектами, условиями жизни персонажа и т.д., а тем, насколько ему удалось стать фоном, условным, фантастическим, но, с точки зрения Белого, типичным обозначением места жизни и действия людей, на примере внутреннего мира которых и взаимоотношений между ними автор хочет показать нам пути и характер нынешнего мирового развития в разрезе большой для него темы Запада и Востока, Европы и Азии» [3, с. 316–317]. Петербург в романе А. Белого – город, чуждый России, город европейский, построенный по «регулярному» образцу, с геометрически правильными линиями и проспектами.

Первопрестольная в повестях А. В. Чаянова привлекает внимание читателя и исследователя топографической достоверностью (названия церквей, кладбищ, улиц, переулков, бульваров, садов, лавок, кондитерских, театров, цыганских хоров, набережных, отдельных примечательных зданий Москвы второй половины XVIII – начала XX вв.), знанием чисто московских бытовых реалий и обширного московского культурного пласта (поэты, художники, певицы, артисты, театральные деятели, учёные, политики, вельможи, светские молодые люди, стиль жизни которых воспринимался в обществе как эталон). Москва в повестях А. В. Чаянова – город, который изначально возник как выразитель лучших черт русского национального характера (широты души, уда-

ли, гостеприимства, хлебосољства), хранитель традиций и обычаев русского народа, своеобразная оппозиция Петербургу. «Былые государственные мужи» [5, с. 96], избравшие своим местом жительства Москву, рассуждают «об ошибках петербургской политики» [5, с. 96].

Однако «великий город» Москва, любовно и исторически точно нарисованный А. В. Чаяновым в чисто московских деталях и реалиях, обнаруживает черты сходства с Петербургом А. Белого. В пространных лирических отступлениях в романе (в частности, «Петербург! Петербург!» [1, с. 55] и «Огненным мороком вечером залит проспект» [1, с. 49]) подчёркивается призрачность, существование на грани реального и фантастического и готовность города в любую минуту исчезнуть. Мотив призрачности Петербурга был заимствован А. Белым из произведений Н. В. Гоголя («Невский проспект» [2, с. 5–39]) и Ф. М. Достоевского («Слабое сердце» [4, т. 2, с. 16–48], «Петербургские сновидения в стихах и прозе» [4, т. 19, с. 67–85], «Двойник» [4, т. 1, с. 109–230], «Хозяйка» [4, т. 1, с. 264–320]) и доведён до предела. А. Белый уподобляет город загробному миру, жителей – теням умерших, а Неву – Лете, реке забвения. «Непокойная тень, сохраняя вид обывателя, двусмысленно замаячила в сквозняке сырого ветра...» [1, с. 56]. Отсюда одно из рабочих названий «Петербургга» – «Злые тени».

Город состоит из призраков островов и домов, их обитатели – тени. Белый активно использует теневой образ, заменяя полное и точное изображение персонажа чёрным теневым контуром. В него превращается горбоносый восточный человек в котелке и пальто (Шишнарфнэ). Реальность и кажимость взаимобратимы: «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают тени в прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей» [1, с. 56].

Подобное встречается и в повестях А. В. Чаянова, который тоже выстраивает изображение на грани яви и кажимости. «Призрачность ночных московских улиц несколько освежила меня» – признаётся студент Булгаков в «Венедиктове, или Достопамятных событиях жизни моей» [5, с. 58]. По улицам Москвы бродят призраки, тени (загадочная и прекрасная Юлия), дворцы также превращаются в тени – «каменные тени великих екатерининских орлов» [5, с. 59]. Теневой образ вписывается в интерьер, становится его историко-культурной приметой: «Коридоры тёмные и серые, поднимающиеся куда-то внутренние лестницы, стены, впитавшие в себя тени Медокса...» [5, с. 58].

Москва, как и Петербург, который постоянно преследует автора-повествователя и персонажей «мозговую игрою своей» (кошмарами, галлюцинациями, тяжёлыми снами) [1, с. 23], пугает героев обманами, видениями. В романе А. Белого заурядная петербургская дамочка Софья Петровна Лихутина, возвращаясь домой с маскарада, видит перед собой скачущего по улице северной Пальмиры Медного Всадника: «И когда она обернулась, ей представилось зрелище: абрис Мощного Всадника... Там – две конских ноздри пронизали, пылая, туман раскалённым столбом. То её настигала медновенчанная Смерть» [1, с. 174]. Фантастическое видение неожиданно получает прозаическое бытовое объяснение: пожарная часть во главе с вестовым в медной каске и факелом в руке, грохоча, мчится тушить пожар на островах. «Тут Софья

Петровна очнулась» – поясняет автор-повествователь [1, с. 174]. В повести Чайнова «Необычайные, но истинные приключения графа Фёдора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.» герой, переходя спешно хорошо знакомый ему мост через Язу, бросается в ужасе обратно: «Ему показалось, что из чёрных вод Язузы высунулись какие-то несусветные хари и, дико хохоча, протягивают к нему свои лапы» [5, с. 162–163].

А. Белый в романе точно воссоздаёт особую петербургскую атмосферу: сырость, слякоть, зеленоватый или зелёно-жёлтый густой туман, холодный дождь, изморось: «Изморось поливала улицы и проспекты, тротуары и крыши; низвергалась холодными струйками с жестяных желобов» [1, с. 18]. Автор постоянно указывает на вредность петербургского климата для здоровья: «Петербургская улица осенью пронизывает весь организм» [1, с. 29], награждая прохожих лихорадкой и «инфлуэнцами» [1, с. 29]. И Москва в повестях А. В. Чайнова наделена этими чисто петербургскими климатическими атрибутами, казалось бы, ей совершенно несвойственными. Она окутана густым туманом, причём это «гнилой туман» [5, с. 59], «сырой туман» [5, с. 59]. А. В. Чайнов пишет о «гнилом московском тумане» [5, с. 59], как об одной из примет Москвы по аналогии с туманами «Петербурга». В тумане смещаются пропорции и расплываются чёткие очертания. Фигуры людей, реалии быта, городской пейзаж выглядят фантастическими, кажутся гигантскими фантомами в смещённом сознании персонажа: «Сильный толчок заставил меня остановиться. В своём рассеянии я столкнулся плечом в сыром тумане с высоким рослым офицером, который пробормотал какое-то проклятье. В московском тумане он казался мне гигантского роста. Старомодный мундир придавал ему странное сходство с героями Семилетней войны» («Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» [5, с. 59]).

На улицах первопрестольной царят сырость, гниль, нередко холодные дожди. Даже в сентябре может дуть пронизывающий ветер и идти обильный снег. «Водяные потоки заливали камзол» [5, с. 97] Фёдора Бутурлина, который попадёт вскоре в снежную бурю: «Ветер уже прекратился, но снег валил хлопьями, как в январе» («Необычайные, но истинные приключения графа Фёдора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.» [5, с. 102]).

Л. К. Долгополов писал, что город в «Петербурге», как и в стихах таких поэтов-символистов, как В. Я. Брюсов, И. Ф. Анненский, А. А. Блок и других, погружён в ночную тьму и освещён мертвенным светом луны [3, с. 330]. И Москва у А. В. Чайнова в наиболее драматических эпизодах погружена в ночную темноту и освещена «дрожащим голубым светом ущербной луны» [5, с. 60]: «Насколько можно было разобрать при лунном свете, заливавшим всё, окна дома были давно выбиты...» («Венецианское зеркало, или Диковинное похождение стеклянного человека» [5, с. 93]).

Из «Петербурга» заимствована такая символическая деталь города, как чёрная карета. Чёрная придворная карета с гербом – символ власти, богатства, высокого социального положения того, кто едет в ней. «В чёрном кубе кареты» [1, с. 21] направляется в Учреждение Аполлон Аполлонович Аблеухов, в

ней он прячется от житейских бурь и политических волнений. Чёрный цвет намекает на inferнальность всемогущего сенатора. Карета – один из центральных символов «Петербурга», не случайно одно из рабочих названий романа – «Лакированная карета». Чёрная карета фигурирует и в повести «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» А. В. Чаянова. Автор гиперболизирует этот образ. Карета кажется студенту Булгакову огромной, она пугает его, превращается в тумане в ужасный фантом: «Прошло несколько томительных минут, и справа показалась чудовищная карета» [5, с. 60]. И этот образ обретает черты inferнальности. В чёрной карете Венедиктов, выигравший в карты у лондонских дьяволов человеческие души, увозит из театра свою невесту – оперную певицу Настеньку. Здесь же он, томимый тоской, забавляется своей властью над душой студента Булгакова, парализуя его волю и превращая умного, образованного юношу в раба, «червя» и манипулируя его сознанием.

Inferнальность – одна из главных примет города в «Петербурге». Все персонажи причастны к «бесовщине». Медный Всадник – дьявол. Террорист Дудкин, попавший в лапы провокатора Липпанченко, схвачен «нечистыми когтями» [1, с. 104]. Чёрт Шишнарфнэ толкает его на убийство своего мучителя. Петербург в романе А. Белого – ад, бесподня, в которой бушует пламя, «геенское пекло» [1, с. 49]. Inferнальность Москвы в повестях А. В. Чаянова генетически связаны с «Петербургом». Первопрестольная во власти дьявола, вернее, дьяволов. Неслучайно в «Истории парикмахерской куклы, или Последней любви московского архитектора М.», в «Юлии, или Встречах под Новодевичьим», «Венедиктове, или Достопамятных событиях жизни моей», «Венецианском зеркале, или Диковинных похождениях стеклянного человека» многократно используются автором эпитеты «дьявольский» или «адский», например: «Неотступные мысли о дьявольских встречах угнетали меня» [5, с. 59].

Носители inferнальности – источники зла, горя, преступлений. Это Сейдлиц, хладнокровный убийца, чьё рождение связано с колдовством; знаменитый мастер игры в бильярд господин Менго, превратившийся в злоеущего «карлу» Жервеза; девушка, тело которой покрыто рыбьей чешуёй из-за заклятья; агрессивный зеркальный двойник коллекционера Алексея, пытающийся погубить его морально и физически, затащив в inferнальные дали заколдованного старинного венецианского зеркала. Как видим, подобных героев в повестях немало и все они символизируют зло, смерть, рок, темные стороны духовного мира людей.

Встреча с inferнальным персонажем становится для героев повестей роковой. Спокойное течение жизни человека сменяется чередой ударов судьбы, катастроф. Венедиктов, попавший на чёрную мессу, ломает судьбы юной леди, жены члена парламента, Настеньки, студента Булгакова, внезапно оставившего научные занятия (изучение памятников древнерусской письменности): «...и я отчётливо чувствовал его дьявольскую волю, адское дыхание совсем близко в темноте направо» [5, с. 58].

Мотив inferнальности в повестях А. В. Чаянова связан с мотивом игры в карты, бильярд, кегли. Игра идёт на души. И на шабаше, и в московском трактире, и в кегельбане, и за бильярдным столом персонажи, охваченные азартом, сталкиваются с нечистой силой, которая всегда выигрывает. Кроме то-

го, с мотивами inferнальности связана, как и в «Петербурге» А. Белого, тема Петра I. Его сподвижник граф Брюс, одетый в петровский мундир, увешанный «орденами и звёздами» [5, с. 98], днём и ночью раскладывает пасьянсы, которые правят человеческими судьбами. Здесь зарождаются злодеяния, преступления, замышляются неожиданные трагические удары судьбы. Зелёный цвет, символизирующий в «Петербурге» смерть, гниль и ассоциирующийся с Петром, также переходит в повесть А. В. Чаянова «Необычайные, но истинные приключения графа Фёдора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У». Брюсова челядь – ожившие мертвецы, которых он отпускает порой отдохнуть на Ваганьковское кладбище. По воле Брюса жизнь Фёдора Бутурлина превращается в финале повести в пытку, ожидание новых страданий, мучений, невзгод. После пожара (его происхождение карточное, inferнальное), в огне которого сгорел родовой дом, жена, слуги, Фёдора настигает безумие.

Город коверкает духовный мир героев «Петербурга», превращая их в кукол, марионеток, химер. Николай Аполлонович Аблеухов отождествляется с парикмахерской куклой, т.е. манекеном. Город в повестях Чаянова тоже «выдавливает» из героев всё человеческое, духовное, и они предстают такими же куклами: «Владимир чувствовал себя манекеном, марионеткой, которую невидимая рука дергала за верёвку» [5, с. 54].

Парикмахерская восковая кукла, символизирующая нивелировку человеческой личности, – злой гений московского Казановы, архитектора М.: «Вдруг он остановился, как вкопанный. Знакомое чувство приближения волнующей страсти содрогнуло всё его существо. Перед ним была “Большая московская парикмахерская мастера Тютиня”, сквозь тусклое стекло большого окна которой на него глядела рыжеволосая восковая кукла» [5, с. 28]. Кукла в московских повестях А. В. Чаянова заменяет человека. Вслед за А. Белым писатель показал стандартизацию поведения, измельчание жизни, сведение её до кукольного подобию под воздействием негативной среды.

Яркая примета Петербурга и его обитателей в романе А. Белого – лёд, холод, ассоциирующиеся с древней поэтической и фольклорной традицией (связь с нечистой силой). В особняке сенатора господствует холод: «Холодно было великолепие гостиной от полного отсутствия ковриков...» [1, с. 17]. Террорист Дудкин объясняет Николаю Аполлоновичу свое родство с «категорией льда»: «Категория льда – это льды Якутской губернии; я их, знаете ли, ношу в своём сердце: это они отделяют меня от всех» [1, с. 86]. У Чаянова Жервеза, inferнальное существо, тоже ассоциируется со льдом. Она владеет всеми помыслами душевно сломленного Фёдора Бутурлина, который живёт в забвении. Автор говорит, что она «недвижимым ледяным сном сковывала по-прежнему его жизнь» [5, с. 124].

Изображая город, А. Белый прибегал к мифологизации. Он обратился к античному мифу о Сатурне (Кроносе), пожирающем своих детей, а затем изрыгнувшем их, когда был узурпирован своим родным сыном Зевсом. Этот миф символизирует трагизм судеб персонажей романа, которые гибнут, сходят с ума или покидают, пережив тяжёлый душевный кризис, столицу. Мифологические параллели есть и в московских повестях А. В. Чаянова. Москва, погру-

жённая во мглу, – Горгона Медуза, взгляд которой превращает людей в камень. Герой «Юлии, или Встреч под Новодевичьим» чувствует себя окаменевшим, душевно опустошённым и близким к безумию.

Обращение А. В. Чаянова к поэтике А. Белого не было подражанием или механическим заимствованием. Повести А. В. Чаянова – яркое и талантливое явление русского постсимволизма.

Список литературы

1. Белый, А. Петербург [Текст] / А. Белый. – М. : Наука, 1981. – 696 с.
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. Повести, 1832–1842 [Текст] / Н. В. Гоголь ; подгот. текст и коммент. В. Р. Щербины, М. Громова. – М. : Правда, 1984. – 335 с.
3. Долгополов, Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург» [Текст] / Л. К. Долгополов. – Л. : Советский писатель, 1987. – 413 с.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. – Т. 1 : Бедные люди. Повести и рассказы, 1846–1847 / подгот. текст и коммент. Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. – 1972. – 520 с. – Т. 2 : Повести и рассказы, 1848–1859 / подгот. текст и коммент. Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. – 1972. – 525 с. – Т. 19 : Статьи и заметки, 1861 / подгот. текст и коммент. А. Л. Батюто [и др.]. – 1979. – 355 с.
5. Чаянов, А. В. Венецианское зеркало [Текст] / А. В. Чаянов. – М. : Современник, 1989. – 237 с.

THE IMAGE OF THE TOWN IN A. BELY'S "PETERSBURG" AND IN A. V. CHAYANOV'S STORIES

Ja. A. Shulova

Vologda State Dairy Farming Academy named of N. V. Vereschagin
Chair of philosophy and history

The author examines the image of the town in A. Bely's Petersburg and Moscow in A. V. Chayanov's Stories and discovers the likeness in their artistic representation.

Keywords: *the town, Petersburg, Moscow, the cab, shadows, infernal, the fog, the doll, the ice, the myth*

Об авторах:

ШУЛОВА Янина Абрамовна – кандидат филологических наук, и. о. доцента кафедры философии и истории Вологодской молочнохозяйственной академии им. Н. В. Верещагина, e-mail: shulova@molochnoe.ru, 160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2.